

vzv-404

ДАВНЫМ-
ДАВНО

12+

VZV-404

Давным-давно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67753431

SelfPub; 2022

Аннотация

Забавные случаи происходят с героями книги. Эти истории: смешные и поучительные, и, конечно же, очень добрые. Из серии "Деревенские рассказы".

VZV-404

Давным-давно

По дороге, что ведет через лес, шли двое: старенькая бабушка и маленькая девочка.

– Вон там, если идти по дороге промеж леса, видишь большую поляну? Была тут деревня – Малиновка, пятьдесят дворов... – показывает бабушка своей внучке – девочке лет восьми и машет рукой в ту сторону, где между деревьями виднеется солнечный просвет и огромная пустая зеленая поляна.

– А где же она теперь? Там нет никакой деревни, только пустое поле, – девочка всматривается, но не видит деревни, даже ни одного домика.

– Да, теперь нет. Уже давно нет... – отвечает бабушка.

Они ходили в лес по грибы, и вышли к этому месту. Сейчас они возвращаются назад домой. Жарко. Бабушка, хоть и старенькая, но бодро шагает вперед и вперед, опираясь при ходьбе на крепкую палку, подобранную еще при входе в лес. Внучка её немного раскисла от усталости и жары. Бабушка по заведенной привычке деревенских людей вставала очень рано. Вот и сегодня, собираясь в лес, она разбудила внучку в пять часов утра. Вставать девочке не хотелось, но она же сама вчера вечером упрашивала бабушку взять её с собой за грибами. Пришлось просыпаться. А то в следующий раз ба-

бушка ни за что не возьмет. И вот теперь девочка трет глаза, зевает, разморенная жарой. Она пытается идти рядом с бабушкой, но всё равно часто отстает, и ей потом приходится бежать, чтобы нагнать старушку. Вот еще незадача, резиновые сапоги стали потными, носки в них сползают и сапоги жмут, от чего девочка косолапит. А правая нога – в особенности. Быстрее бы дойти до дому, раздеться и побежать купаться на речку. Бабушка не разрешает снять сапоги и идти босиком даже теперь, на обратной дороге – боится, что попадется змея и укусит. Бабушка всегда специально и палку берет для этого, входя в лес. Она часто рассказывает, как шла по лесу и вдруг – змея – лежит черная, здоровая, клубком. А то иногда и две змеи вместе, только головки торчат. А она, бабушка, эту змею палкой – и придави. Змея извивается, хочет вырваться и уползти в траву. А там уже ищи, не ищи – не найдешь. Поэтому бабушка палкой её придавит к земле, а высоким резиновым сапогам – так ей, так ей. Вообще, по рассказам бабушки выходит, что она всех змей, которые ей попадаются, всегда убивает, чтобы не повадно было гадам водиться в нашем лесу, людей и скотину кусать. В долгих рассказах бабушки змеи ужасно большие и попадаются прямо на её пути: то на песчаной дороге греются, то у брода, где переходят речушку, чтобы попасть в березовый лес, который называется Роща, то прямо у белого гриба, который бабушка хотела сорвать. Но все это в Роще.

А есть еще другой лес, с другой стороны деревни. Он на-

зывается Дрянная. Там вроде и змеи не водятся, но бабушка не любит этот лес. Он, говорит, темный, и еще там какие-то злые мужики встречаются. Стоят, высматривают, недобрые. Бабушка, правда, в Дрянную тоже ходит – за черными груздями, уж очень их там много. Она, когда в эту Дрянную собирается, всегда дедушку с собой берет: мужиков опасается, да и тащить грибы оттуда далеко, а потому нужна мужская сила. Дедушку, честно сказать, она ругает, и брать с собой по грибы не любит. Он, говорит, бежит как оглашенный, ничего не видит, а она за ним не поспевает. А какие грибы можно углядеть, если ты несешься вперед и вперед, как конь? «Ты, – говорит, – чего в лес пошел, бегать по нему что ли или грибы собирать? Вот летит, не разбирая дороги!». А дедушка ей на это всегда отвечает: «А мне все кажется, что там, впереди грибов-то больше. Чего тут на пути ходить на одном месте. Здесь все ходят. Поди уже все собрали».

– Ба, а куда же она делась-то? – спрашивает внучка, в очередной раз, нагнав бабушку после того, как долго копалась со своим носком, который совсем сполз с ноги и сбился в мыске сапога.

– Кто девалась? – удивляется бабушка. Она уже совсем забыла, о чем они говорили и думала о своих делах – как они придут домой, и она будет разбирать грибы – какие в засолку, какие на жареху, какие в суп.

– Ну, как кто... Ты же про деревню мне рассказывала, которая на той поляне раньше была, – девочке любопытно по-

слушать историю. Когда бабушка рассказывает про свою молодость и те времена, которые были раньше, девочке очень нравится.

– А, про это... Ну, слушай. Там была деревня Малиновка. Большая деревня. Меня оттуда замуж выдали в нашу деревню. Я с пятого года была. Как стал двадцатый первый, что ли, год – так и выдали.

– Бабушка, а с пятого года – это что?

– Как – что? Мое рождение.

– Как это?

– Как-как. Вот так. Сейчас у нас какой год? Восемьдесят шестой. А я родилась в пятом.

– Так давно? Я даже такого года не помню.

– Ты многое не помнишь, потому что не можешь этого знать, – бабушка смеется и треплет внучку по голове шершавой ладонью с узловатыми искривленными пальцами. Ее пальцы, как она рассказывала, попали в мялку для льна. С тех пор у нее одна рука с такими кривыми пальцами. Скорее всего, были переломы. Только тогда же не лечили – замотали и все. Вот и срослись неправильно.

– Дороги – этой вот – не было в ту пору. Ее потом колхоз насыпал, и мост через речку построили. А то вон в том месте, где у нас река на два рукава расходится, были два моста деревянных. По ним ходили, и телеги ездили. А машины, да трактора – не прошли бы. Как весна – так мосты и сносило. Их заново строили. А что? Лес рядом. Все мужики из дерев-

ни соберутся, телеги запрягают, в лес едут. Там навалят со-сен. Привозят на берег. Мост построят. Если вёсны не снеж-ные, мосты и несколько лет стояли.

– А в школе не так говорят – тысяча девятьсот восемьде-сят шестой. Вот как. – внучка все пытается представить, как это: с пятого года.

– В школе-то правильно говорят, только так как я – ска-зать быстрее. А потом, я в школе не учена. Тогда нас в шко-лу не отдавали. Меня читать по слогам – дедушка учил. Уже после войны... Ну вот, выдали, меня, значит, замуж...

– Бабушка, а выдали это как? – удивляется опять внучка.

– Вот расскажу, ты слушай, а не перебивай! Отец у нас суровый был. А мама наша, у меня еще брат Ванюшка был, рано померла. Отец взял мачеху. Она, так – ничего была. Но нас не любила. Особенно Ванюшку. Он маленький был. За ним уход нужен. А ей он на что?

Сядем мы есть за столом. Мачеха большущую сковороду с жареной картошкой на сале на стол поставит и все своими ложками из сковороды едят. А если сначала кто сунется впе-ред отца, он ложкой деревянной как даст по лбу. Порядок любил!

– По лбу-то больно ложкой.

– Конечно, больно. Что бы не баловали и порядок знали. А бывало, как он заканчивает есть, возьмет свою ложку, оку-нет в сметану или в кашу – что есть, и этой ложкой всем де-тям, кто за столом сидят, разом так и проведет по ртам. Всех

перемажет. Все давай – папаша, что Вы? А он смеется. Но никто плохого слова не пикнет. Попробовали бы только. Вот какое уважение было. А сейчас, зовешь вас, зовешь обедать, а вас и нет. Раньше – не пришел во время – сиди голодный. Все съели и дело с концом. Ну, пойдешь – попьешь молочка с горбушкой, если осталась, и все...

У нас в Малиновке дом был большой, пятистенок и двор на три коровы. Бараны, овцы, козы, гуси, куры. Кого только не было. Полы, знаешь, какие делали в домах? Не из досок. Берут бревно толстое, сверху стесывают до полбревна, и так бревно к бревну кладут. Пол – как каменный. Ничего ему не страшно. Хоть прыгай, хоть свадьбу справляй. Не скрипит, не качается. Вот так. У нас-то в этом доме тоже так сделали. Наш дом строили нам после свадьбы. Правда, этот дом-то уже поменьше, чем отцов. Мужиков тогда мало было. А, может, я наговариваю. Только все мне после отцовского дома казалось, что и поменьше и пониже. Но пол, слава тебе, такой же сделали из цельных бревен. Его на пасху натрешь кирпичом, намоешь. Он – аж белый. Все вокруг опашнешь. Светло, хорошо. Кругом дерево белое и стены, и пол, и потолок. Печка беленая известью. Потом то – что? Не стали так делать. Все краской и обоями заляпали и ходи в химии...

– Бабушка, ну как тебе выдали-то, ты и не рассказала. И куда деревня подевалась? – внучка слушала внимательно, ей очень было интересно узнать подробно, а бабушка все сбивалась с рассказа про давние времена на наше время.

– Ну вот, я и говорю... Сговорились мой отец и здешняя семья. Жениха мне хорошего выбрали – Федора. У них дом был здесь – который напротив нашего. Для нас, молодых, поставили свой дом. Свадьбу справили, и потом уж за лето и дом сделали. Вот так я из Малиновки и ушла.

– Вон уже наша деревня, с горки только спуститься. А недавно мы твою Малиновку проходили. Это же близко – удивилась внучка.

– Это сейчас так. А раньше, все казалось далеко. Бывало, нужно поехать куда, так собираешься серьезно. Лошадь надо накормить, запрячь. Все хомуты, телегу проверить. Сена свежего на телегу положить, чтобы ехать было мягче. С собой соберешь – яиц вареных, хлеба в дорогу. Едешь. В дороге перекусишь. Приедешь, как будто целое дело сделал. С дороги – устанешь. Сядут чаю напьются, сразу чашек семь. А то и десять. С вареньем. И действительно, вроде чего тут ходу-то. Наверно, уж это сейчас все так привыкли ездить далеко. Вон тебя из Москвы привезли, родители побыли день да уехали на работу. А раньше такое и немислимо было. Это как целая Кспедиция.

А меня, когда выдали. Я сначала, с непривычки, не хотела здесь жить. У меня же брат Ванюша остался в отцовом доме. Он все плакал, с мачехой никак не хотел оставаться. Я, бывало, ночью проснусь и все думаю – как он там, без меня. А наутро соберусь, да пойду в Малиновку. Одна, никому не скажу. Меня ругали. Вроде, куда от мужа бегаешь? Там своя

семья. А я никак не могла. Убегу потихонечку. До Малиновки дойду. Смотрю Ванюшка – грустный, заплаканный сидит. Весь какой-то затюканный. Потом, я же узнала. Его мачеха, в чем был, в одной рубашонке, в холодном подполе закрывала. Хотела, верно, чтобы он прозяб, да помер. Он сидит там, бедный, сидит – наплачется, да заснет на сыром полу, на картошке. А как все с работы, с полей возвращаются, она его – выпусти, и как ни в чем не бывало. Вроде он все время в доме. А реветь, да говорить, не разрешала. Боялся он. Да и не понимал.

– Бабушка, его очень жалко. Зачем она так? – девочка, представила мальчика и чуть не заплакала.

– Мачеха... А он меня увидит, обрадуется: «Манька» – кричит – «Ты за мной пришла! Возьми меня!». На меня кинется и плачет, плачет. Отец-то потом разрешил его мне забрать. Так и жил Ванюшка потом со мной, с мачехой никак не хотел.

– Бабушка, а Манька – это кто? – внучка не слышала этого имени. Оно было непривычным. Бабушку звали Маша или Мария.

– Как кто? Это же я.

– Почему же такое имя?

– Так уж звали раньше – Манька, да Манька. А то еще – Панька, да Шурка были имена. А еще у нас была женщина одна, звали Домна. Бывало, соберемся идти косить или по ягоды. Пойдем, говорим, за Домночкой зайдем. Вот. За

Домночкой!

Или, еще бывало, в деревне у нас был Тютюня. Отчего так звали никто и не знает. Такой лентяй был, прямо жуть. Его хоть в тюрьму сажай, все равно ничего делать не хотел. У него один раз дом загорелся. Люди набежали, тушат. А он под телегой во дворе спит. Его растолкали, говорят ему: «Ты, что же спишь, у тебя дом горит». Он посмотрел-посмотрел и отвечает: «Да, тьфу на него, развалина, его чинить дороже» – и опять спать собирается. «Ты что! Одурел что ли от безделья!? Ведь деревня сгорит!» – и хлоп ему по роже. Только тут он пробудился и тушить пошел. Тютюня он и есть. А потом на войне погиб. Вот как.

А Ванюшку-то, мне сначала не разрешали совсем забрать. Я его уведу из Малиновки. Никому не скажу. Идем, сначала ничего, хорошо. А как подальше отойдем, он уставать начинает. Идти не может. А надо. Не все же на земле сидеть. Я его на загорбок возьму и тащу. А уж как сама устану – ляжем на траву и лежим. Потом до мостов дойдем. Еще немного вроде. Вон уже и дом виден. А он спит. Я его на свой фартук положу и тащу за собой волоком, по траве, через мостки. А мости деревянные, не струганные. «Ой, Манька, жопу дерет!» – как закричит, проснется. Это ему через рубашонку, да мой фартук занозы от мостков как вопьются!

– Бабушка, это не хорошие слова! – девочка насупилась. Она удивлена, что бабушка так сказала. Нехорошо же.

– Нехорошо. Только так уж было. Штанов-то не было то-

гда. На Ванюшке только рубашонка.

– А сколько ему было лет – когда ты его так тащила?

– Годика три-четыре. Вот, дотащу его до нашего дома, и спать уложу. Не на виду, подальше, чтобы его не сразу заметили. Ругались они. Говорили: «У тебя своя семья». Только мне его очень жалко было. Я Ванюшу у соседа иногда оставляла, его, поэтому, и не сразу замечали.

Там, где у нас сильнушка теперь, где качели твои, – дом раньше был. Жил там дьячок. Старенький, одинокий.

– Кто это?

– Дьячок-то? При церкви служил. Я как в нашу деревню перешла к мужу, с ним, с этим дьячком, сдружилась. Меня ругали, то не так сделаю что-то, то из-за Ванюшки, то еще из-за чего. Я к нему бегала. Дьячок этот, такой маленький был старичонка, весь седой, худенький, сгорбленный и черный как птица-ворон. Он меня успокоит, чаем напоет, историю расскажет. Как он служил в церкви, да какие иконы у них там были, какие золотые чаши, кресты. А то мы с ним вместе на службу ходили. Церковь здесь у нас была, в соседней деревне. Хорошая такая, с колокольной. Не большая, но богатая. Разрушили ее. Сейчас только стены остались. И то не целиком. А хитрый, верно, он был. Перед тем, как это случилось, он ушел куда-то. Не было его несколько недель. Люди собрались, пошли церковь разграбить. Она закрыта была, ворота хорошие там, крепкие. Топорами и кто чем – открыли, а в ней ничего и нет. Ни икон, ни убранства, ни золота,

ни серебра. Только стены пустые. А когда – кто вынес – никто и не знает.

Вот потом думали – куда могло подеваться всё. Говорили – это дьячок всё унес и спрятал. А когда унес и где спрятал? Неведомо. Весь дом у него перевернули. Нет ничего. Он вообще очень бедно жил. Чашка, миски железные, ложки деревянные, чугушки, лежанка, да из одежды – кое-что. Плюнули. Сжечь, говорят надо, его дом. А тут другие дома – рядом совсем. И лето сухое было, ветренное. Нет – жечь будем, все деревню пожжем. Так и остался его дом. Не тронули.

А потом, он – дьячок – пришел. Все его спрашивать: «Где был?» Он, говорит: «Не смог смотреть, что с церковью будет – вот и ушел». А кто и чего там вынес – знать не знает. Не мог он об этом говорить спокойно, плакал. Больше и в деревню ту, где его церковь была – не ходил.

Так и оставили его в покое. Совсем он бедно жил. А я к нему по-прежнему ходила. Он меня успокаивает, а я ему помогала. То печку натоплю, картошки в чугуне сварю, то принесу молока, то на огороде посажу – чего скажет. Старенький он совсем был. А по округе все ходили слухи – где же золото из церкви спрятано? Копать хотели – а где копать? У нас леса вокруг на шестьдесят километров тянутся во все стороны. Хошь – копай, хошь – ищи.

Потом, он заболел и слег совсем. Я за ним все ухаживала. Однажды, кричит из окна: «Марусь, пойди ко мне...»
– А Марусь, это кто?

– Да как кто? Это – я же.

– Все ты! Как у тебя имен много. А у меня вообще одно имя и никак оно не изменяется. А у тебя вон сколько!

– Да, такое имя. Кому как нравится, тот так и зовет. Дьячок меня Маруся звал. Вот я к нему прибежала. Он помереть собрался. Лежит, тихий такой. Я у него посидела, помолилась. Он улыбается. Хорошо, говорит, что ты со мной. Одному плохо помирать. А потом, стал мне рассказывать, про тот случай, когда церковь разрушили. А с той поры уже много лет прошло. И по всему получалось, что он заранее знал, что такое будет, и все заранее из церкви вынес и спрятал на сохранение. «Я тебе, – говорит, – сейчас скажу, где все. Когда хорошие времена будут – надо это все в церковь возвратить!». Рассказывает, а голос все тише, тише... Я уже к нему склонилась. Он прямо на ухо мне шепчет.

Потом, говорит: «Маруся, очень мне смятанки хочется.»

– Я вскочила, кричу ему: «Сейчас, я принесу.» Побежала домой, в чашку смятаны набрала и бегу к нему скорее. А он умер уже. Так и не успел смятаны поесть.

– А он успел тебе рассказать, куда он все богатство спрятал?

– Нет, лежал и улыбался. Хороший был старичок.

Потом еще в шутку говорить стали, что он богатство под камень запрятал. У реки лежал огромный плоский камень. Большой такой, на него две коровы могли бы встать рядом. Над землей всего вот настолько выступал – и бабушка пока-

зала на край своего резинового сапога. Так, сдуру, говорили, что, верно золото – под этим камнем.

– А может оно там и есть?

– Что ты? Камень этот все время там лежал. А как его дьячок поднять-то мог. Сколько центнеров он весит – и не сосчитать. Его, верно и трактор с места не сдвинет. Откуда только камень такой в наших местах – ума не приложу. Черный. У нас, сама видишь, земля мягкая, никаких камней не встречается никогда...

А я так осталась жить. Дом дьячка постепенно разрушался. Осталась только сильнушка одна. Она из крепких бревен была. Мы ее стали использовать под разные нужды. Родни у него не было никого. Мы сами его похоронили.

Потом уже я привыкла. Стали тут жить. У меня родился первый сын, Федка. Как отца назвали. Потом второй – Костя. Потом еще сынок Володька и дочка.

– Послушай, дядю Костю я знаю, а где тот первый – Федка и муж твой Федор? Дедушку не так зовут. – Девочка сильно удивляется. Она была маленькая, и ей особо никто не рассказывал про семейные дела.

– Дедушка – это же второй у меня муж. А как война началась и Федора, и Федку, ему только и было-то восемнадцать лет, в первые дни войны на фронт забрали. Они сразу же и погибли. Оба.

– А ты как же?

– А я – что? Я одна с детьми осталась.

– А Ванюшка твой, где был?

– И Ваню тоже забрали на войну. Он уже взрослый тогда был. Уже женился и отдельно от нас жил. Жenu взял с ребенком. Хорошо они жили. Его, слава тебе, не убило. Так он прошел всю войну. Даже в Берлине был. Рассказывал потом много про свою службу. В разведке, где-то служил. Сутками они ходили. Уставшие. Придет из одного дозора. Кинется, как есть на землю и спит. А его будят: «Вставай, некому идти. Все группы пропали. Ты, только, счастливчик, возвращаешься. Вставай, идти надо». И теребят его, теребят. А он спит непробудно. Только до этого не спал по двое суток. Потом, встанет и голову прямо в бочку с ледяной водой. Кулаком лед на ней – пробьет. И головой туда, в мерзлую воду. Так только и проснуться мог. И пойдет, опять в разведку. Хорошо он служил. Его очень уважали. Да и счастливый был. Его там прозвали Золотой. Все улыбался, как светился.

Он уже потом, когда победили, из Германии прислал нам посылку. Все собрались у нас тогда, и отец с мачехой были, помню. Развернули посылку, а там материи шелковой рулон. Написал письмо, чтобы пошили всем бабам платья. Что это шелк – это я потом узнала. А тогда и понятия не имели, что это за шелк такой. Красивый. С цветами. Синий-синий фон, а по нему розовые цветы. Мы его всё гладили руками. Никогда такой красоты не видели. Да, и ни у кого во всей округе таких платьев не было. Мы обрадовались! Стали придумывать, как сшить, да как выкроить. Но только, не вышло ни-

чего.

– Почему же не вышло? Вы не знали как шить? – спрашивает внучка.

– Нет, что ты!. Мы все шили хорошо. Сами придумывала, выкроим и сошьем на руках. Ткали, да вязали. Сами кружева, знаешь, какие умели делать. Загляденье. Что только не делали: и подзоры кружевные, и белье, и полотенца. Расшивали все цветами гладью, да крестом. На иконы делали оправы-шторки. Скатерти, какие плетеные. Все сами делали!

– Тогда, что не вышло у вас с платьями?

– А мы положили до поры эту материю шелковую в сундук на сохранение. А мачеха – взяла втихую весь рулон, да сменяла его на базаре на ситец. Притащила ситец: «Вот, говорит, шейте теперь. А то, что вздумали – такую материю на себя напяливать. Не про вас это!». И ситец то какой-то – страшно глянуть. Не понимала ничего. Вот какая была.

– Вредная.

– Дура, одно слово.

– Бабушка, ты опять!

– А я что, такая она была дурная, и никак по-другому не назовешь. Бывает такой человек никудышный. Через него все портится. Отец наш с Ванюшкой был тогда, еще до войны, председателем. На фронт его не взяли – он старый был. А как пришел Ванюшка после победы с фронта, так его поставили кладовщиком. У нас склады по всей округе были большие, картошку хранили, зерно, семя льняное. Как было

хорошо: льном поля засеют, он цветет голубым цветом, как небо. Издалека смотришь на такое поле – все голубое, куда глазам видно. Потом собирали, колотил лен. На фабрику отвозили. Ткань там из него льняную делали. А из семени – масло выжимали. Хорошее масло. Сейчас – не стали делать. Черт их знает, прости господи, – почему. Все поля льняные запустили. Подсолнечник сажают. Только он у нас не растет хорошо, холодно здесь для него. Его растят, растят, потом на силос весь посрезают, и скотине.

Тогда в войну было время тяжелое. Отец ездил, всех выгонял на работу в поля. Народу-то было: бабы, старики да дети. Утром в пять часов – уже едет по деревням. А ему: «Ты сначала своих буди, а потом нас. Ишь, какой нашелся!». Так, ему что ответить? Он нас и будил первыми. Все работали. И косили, и на быках пахали, и сажали, и собирали...

– Почему на быках ?

– Не было ни лошадей, ни машин. Все на фронт шло. А сажать-то надо. Кормить-то фронт надо. С колхозов все собирали до последнего зернышка. Все, что вырастим – все отдавали. А сами со своих огородов, что там вырастет, тем и кормились. Нароботаешься на полях, потом придешь домой, надо у себя в огороде что-то сделать. А не сделаешь – не вырастишь – голодать будешь.

Мы, правда, не голодали. Как-то обходилось. Нас отец посылал склады с картошкой топить – чтобы она не промерзла. Мы с ребяташками печи натолим – тепло становится. В уг-

ли картошки напихаем. Картошка пропечется – вкусная становится. Ничего другого не надо. Наедемся этой картошки. И хорошо.

Потом война стала кончаться. В деревню мужики, какие живые остались, пришли. Брат пришел. Его назначили кладовщиком. Как раз сев был.

Вот, наша мачеха дурная, что удумала тогда. Она со своей товаркой решила у брата стащить семя льняное.

У нашей деревни работали. Мы все к нам ужинать пришли. Я хлопочу. Брат ключи от складов положил в карман фуфайки, умывался, то да се... А мачеха ключи вытащила, да к складам побежала со своей товаркой. Стащили они у него два мешка семени льняного и на наш сарай, прямо сверху, на крышу положили. Ключи – назад вернули. Утром сеять надо. Хватились, а семени – нет. Они-то думали, его много привезли для посева. А его всего и было – несколько мешков. Брата – в сельсовет, показания снимать. Где семя? Отец – чуть живой от стыда, брата – аж трясло. Как так быть могло? Стыд-то какой. Он же с войны героем вернулся. А тут – вор...

Милиция приехала, искать стали. Нашли – у нас на сарае. Разбирались. Дело завели. Мачеху с ее товаркой судили и в тюрьму посадили на семь, что ли, лет. А отец наш – повесился... Не смог он перенести такого позора. А мачеха потом в тюрьме и умерла. Вот как... Ты чего-то там делаешь? – бабушка увидела, как внушка потихонечку таскает ягодки и

ест их.

– Я ничего. Ничего. Я заслушалась и забыла, что ягоды – на варенье... Ты все грустное – умерла, да умерла. Говори дальше, только не так грустно – девочка спрятала за спину руку с синими пальчиками от черники. Подальше от соблазна.

– А что говорить-то?

– Ну что-что. По давным-давно.

– Дом отцовский заколотили, так он и стоял долго-долго, пока его не продали на вывоз.

– Что это – на вывоз?

– Ну, у людей есть, положим, свой участок, а дом уже никудышный. Новый строить – лес не дождешься, пока дадут из колхоза. Вот покупают у кого-то дом, кому не нужен. Разбирают дом по бревнышку, по досточке и перевозят к себе. А потом собирают на новом месте. В Малиновке на месте нашего дома осталось пустое место. Потом так и пошло в Малиновке. Люди уезжали, дома – на вывоз продавали, а кто – просто заколачивали и бросали.

Так и не стало деревни Малиновки. Все вымерли, и деревня сгнула, разрушилась и заросла. Только поле теперь...

– Слушай, бабушка, а «чертовы» пальцы помогают от мозоли?

– Какие еще, прости господи, чертовы пальцы?

– Ну, вот какие, камни такие, мы в земле их откапываем, – девочка вытащила из кармана курточки два продолговатых

коричневых шлифованных камня. – Мы с Танькой нашли в одном месте такие залежи! Играли у реки, копали пещеры в песке, где высокий берег. Смотрим, странные какие-то камни нам попадаются. Длинные, вытянутые, как пальцы. А где край – там как заострение, вроде как ногтя. А внутри этого камня, во всю его длину – круглое отверстие. Мне Танька сказала, что это «чертовы» камни, и если одним камнем об другой потереть, то появляется белый порошок. Если этим порошком посыпать на рану, когда, например, порезался или разодрал коленку, то рана заживает очень быстро и не болит. Мы, и правда, проверяли... И вот я думаю, они от мозоли помогут? У меня мозоли вроде.

– Где мозоль? Чего же ты молчала?

– Носок меня намозолил. Я его вверх – а он вниз. Сползал, сползал. И вот ! Так поможет «чертов» камень, как думаешь?

– Снимай, давай, сапог свой. Вот здесь садись. Ух, как же ты терпела. Заговорила меня совсем. Надо было сразу, как почувствовала, что мозоль – перевязать. Давай твои камни. Это из земли. Польза, думаю, будет. Таньке-то про это, наверно рассказала ее бабка, Носуля, а у них в роду были знающие. Носуля только, не в ту сторону пошла, добра бы кому делала, ведь умеет, а, видно, не хочет. Даже корова у нее бодучая, как черт... – бабушка взяла камни, натерла их друг об друга, насыпала белого порошка на лопнувшую мозоль и перевязала носовым платком щиколотку. Потом подумала и даже разрешила внучке дальше идти босиком. Они дошли

до грунтовой наезженной дороги.

– Вот здорово! Спасибо, бабушечка. Я так люблю – босиком!

– Ладно, ладно. Не подлизывайся.

– Я и не подлизываюсь, просто очень люблю, когда ты рассказываешь про давным-давно. Я сбегая искупаюсь, а ты мне потом еще расскажешь...